

ПРЕКРАСНОЕ В ИСКУССТВЕ

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР

Я думаю, что каждому человеку необходимо чаще испытывать чувство восхищения, когда забываешь о самом себе и как бы становишься частью того, что восхищает тебя. Такие незабываемые минуты доставляют людям прекрасные произведения искусства во всех его областях: в живописи, музыке, литературе, кино, театре. Конечно, чтобы получить истинное наслаждение от искусства, надо быть восприимчивым к нему. От природы это, к сожалению, не каждому дано. Но восприимчивость можно развить в себе. Недавно я столкнулась с одним молодым человеком, который утверждал, что не понимает искусство вообще, «оно существует не для меня», — говорил он. Это неверно. Искусство существует для всех. И этот юноша лишает себя благодатнейшего импульса к жизни, к творчеству. А ведь человек всегда творит, в какой бы области он ни работал.

Мне, как актрисе, естественно, ближе всего театр. Но я не слепа и не глуха ни к одному виду искусства. И по себе знаю, как много значит умение понимать прекрасное. Оно приходит не сразу. Сначала пристальное внимание ко всем явлениям искусства, стремление познать их специфику. Постепенно приходит понимание, а как результат — непосредственное чувство. В картинной галерее можно смотреть на какое-нибудь прославленное произведение, но быть слепым к его достоинствам. Однако если я уже знаю кое-что о творчестве художника, о характере эпохи, об истории этой картины — мой взгляд не будет равнодушно скользить, ничего не принося моей душе. Через внимание я соединяю свое знание с непосредственным впечатлением. Это не значит, что данное произведение мне обязательно понравится — у самого скромного человека существуют свой вкус и свои привязанности. Но знание исключает равнодушие и непонимание, и я обогащаюсь хотя бы встречей с талантом, который жив в данном произведении. Внимание к творчеству открывает и смысл, и красоту произведения.

Когда в Москву привезли картины Дрезденской галереи, около Сикстинской мадонны Рафаэля стоял охраняющий ее молодой военный. С непередаваемым упреком он сказал проходившему мимо человеку: «Да вы обратите же внимание на мальчишку внизу — как задумался парень!» И проходивший было мимо остановился и заулбался. А потом поднял глаза и долго смотрел в человеческое, материнское лицо мадонны, полное тревоги и ожидания. Наверное, он обратил внимание на то, что мадонна босая, что в ней нет ничего церковного, иконного. Может быть, потом этот человек задумался над тем, какой дерзкой новизной было в XVI веке это человеческое изображение мадонны без атрибутов святости — золотых тканей, короны и прочего. Может быть, прочел восхищенный зритель и слова Герцена о рафаэлевской мадонне: «...Она смотрит с какой-то нервной восторженностью, с магнетическим ясновиденьем, она будто гово-

рит: «Возьмите его, он не мой». Но в то же время прижимает его к себе так, что если б можно, она убежала бы с ним куда-нибудь вдаль...»

Так внимание, знание, впечатление, переплетаясь в душе человека, делает его богаче. Всякого человека, какова бы ни была его специальность. Ведь существует еще мнение, вернее, настроение, которое можно выразить фразой: «Ну, и ничего особенного. Что здесь такого? И никакого это отношения к моей специальности не имеет!» Думается, что человека, отгородившего себя от душевной радости, даваемой искусством, просто никому еще не удалось разбудить. Не зазвенел его бубенчик. Горький говорил, что в каждом человеке живет бубенчик, который надо найти, тронуть, и он зазвонит всем хорошим, что есть в человеке. А любовь к искусству — это чувство великое, созидательное, дающее силу. Оно расширяет, обогащает человеческую личность. У нас много людей, в душе которых «звонит бубенчик».

Недавно я прочла очерк о враче Пеневоленском из города Иванова. Он интересуется всем, что его окружает, — и природой, и наукой, и искусством. Он удивляется и увлекается изобретательностью природы, этим питается его наблюдательность и дарование скульптора. Он работает над книгой, в которой хочет рассказать, как в обыкновенном можно увидеть удивительное и прекрасное. «Надо уметь смотреть. И человек и все вокруг — это огромное чудо». Я бы сказала, что для восприятия искусства надо не только уметь смотреть, но сознательно развивать в себе любовь к музыке, живописи, театру, чтению.

Читать надо тоже уметь. В Америке многие читают только «комиксы» да краткие изложения классических произведений и этим, конечно, притупляют свое восприятие литературы. Знаю школьников, которые, читая, «принципиально» пропускают описания природы. Многие зависят от учителей. Однажды один мальчик радостно сообщил мне: «Ну, к счастью, всю классику прочли и от нее отделились». Он показал мне книжку — сборник, где как примеры были приведены краткие выдержки из Толстого, Чехова, Тургенева и т. д. Ученику, к сожалению, не объяснили, что это только выдержки, и не сумели ничем привлечь его внимание, показать и объяснить величие мысли и силу образительных средств великих произведений. Если читатель интересуется только фабулой, оставляя без внимания точку зрения и стиль автора, не вникая в атмосферу, которую воспроизводит роман или повесть, — такое чтение можно назвать пустой тратой времени. Всякое искусство должно доставлять радость, но это серьезнее и глубже, чем просто развлечение. Эту мысль хорошо выразил знаменитый немецкий композитор Георг Гендель: «Мне было бы досадно... если бы я доставлял людям только удовольствие; моя цель — делать их лучшими».

Всю свою жизнь я работаю в

театре. Еще в детстве я видела превосходных актеров Малого и Художественного театров. Я смотрела и замечательные пьесы Чехова, Горького, Толстого, произведения иностранных классиков.

Мои первые театральные впечатления были глубоки и значительны. Они определили выбор профессии. О некоторых незабываемых встречах с прекрасными мне хотелось бы рассказать. Помню одно из первых посещений Малого театра. Шла пьеса А. Н. Островского «Не в свои сани не садись». Сваху играла Ольга Осиповна Садовская, знаменитая актриса, тогда уже молодая. Спектакль был интересным, я смотрела его с увлечением. Но особенно поразила финалу спектакля, когда Садовская, взмахнув платочком, запела высоким звонким голосом «Поросеночек яичко снес» и плавно пошла в круг по сцене, слегка пошевеливая плечами. В лихом ее движении, в выражении лица, в звуке голоса было что-то такое народное, веселое, доброе, что зал просто сотрясало от аплодисментов. А я от переполнившего меня чувства вместо смеха — заплакала. У меня разрывалась душа — казалось, что в нее, в эту детскую душу, никак не может вместиться этот образ, одним движением расказавший так много и о себе, и о стране, и об эпохе, и об авторе. Обо всем она поведала нам, потому что это была гениальная актриса.

Другое мое впечатление, тоже детских лет, было пение и игра Федора Ивановича Шаляпина. Услышав его в концерте, я была потрясена. Без всякого театрального костюма, без грима, без особых жестов и жестов актер был так необычайно выразителен, что зрители не только слышали, но словно бы и видели создаваемый им образ. Я слушала Шаляпина в роли Мефистофеля в опере «Фауст». Казалось, что это само зло. Но при этом грациозное зло, нагло веселое, циничное и затягивающее за собой в бездну ада. Актер двигался всем своим большим телом с необыкновенной легкостью, грацией, мощно звучал его необыкновенный голос, проникая в глубинную душу. Я бредила Шаляпиным. Мне могут сказать, что я так сильно воспринимала театральные впечатления потому, что сама имела призвание к сцене. Но, может быть, изо всех зрителей, наполнявших в тот вечер Большой театр, я одна и стала актрисой (кто знает), а ведь весь зал буквально трепетал от увлечения и восторга. Не знаю, были ли в тот вечер скептики, которые говорили: «Ну, и ничего особенного». Но если и говорили, то я думаю, что они притворялись, чтобы не потерять своего стиля.

На моем артистическом пути первых лет я встретила целую плеяду прекрасных, высокоодаренных и широко культурных художников. Это была группа Московского Художественного театра, во главе которой стояли такие деятели, как К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко. Все

они были моими учителями. В театре того времени была высокая требовательность к деятелям искусства, а группа состояла из целого созвездия талантов, как В. И. Качалов, И. М. Москвин, О. Л. Книппер, М. П. Лилина и другие. О Станиславском много и часто пишут, я же хочу остановиться только на одной удивительной черте его таланта — умении создавать вокруг себя какую-то волшебную и вместе с тем вполне реальную атмосферу.

Так было на спектакле «Горе от ума», в котором он играл Фамусова. Огромная работа, продуманная им и всем театром в процессе постановки пьесы, изучение эпохи, быта того времени, стиля автора — все это сказалось, разумеется, на всех исполнителях. Станиславский умел как бы погружать каждого, кто приближался к нему, в мир спектакля. Это был мир старой Грибоедовской Москвы, мир московского барина, увиденный глазами Станиславского. Но самое большое чудо происходило на сцене. Это был словно бы и Константин Сергеевич, но вместе с тем совсем не он.

Среди молодежи я изображала гостью на балу, и вот, приближаясь к хозяину по блестящему паркету, я всем существом верила в реальность своего существования светской дамы 20-х годов прошлого столетия. Во что-то важное проникла моя фантазия, и чем ближе я подходила к Станиславскому, тем значительнее, глубже было это ощущение. А зрители? Они наслаждались. Театр показывал им в образах и идею пьесы, и атмосферу, и суть эпохи, он обобщал все это, он открывал им Грибоедова, и, наконец, они сталкивались лицом к лицу с творчеством великого Станиславского. Такой спектакль доставлял не только удовольствие зрителям, он обогащал их знания, обострял их эстетическое чувство.

Я сама познавала многое через свои роли, если они были написаны большими художниками или тема их была значительна, интересна. Плохие пьесы, разумеется, рождают плохой театр, воспитывают плохих актеров, портят хороших и развивают дурной вкус у зрителей. О них не будем говорить. Вспоминается мне роль Марии в пьесе Шекспира «Двенадцатая ночь». Это роль комедийная, и, казалось бы, она не может затронуть глубоких мыслей и чувств. Но это только видимость. Не развлечение, не порхание по жизни, а могучее утверждение ее, победоносный оптимизм, жизненную красоту и силу вложил в этот образ всеобъемлющий гений Шекспира.

Чем больше я углублялась в эту роль, чем больше ее осмысливала, тем больший подъем испытывала всем своим существом. Счастьем, радостью борется Мария с ханжой, самовлюбленным комическим персонажем пьесы. Весь спектакль был проникнут ощущением света, радости, безудержного веселья. Смеялась не только я, смеялся со мной весь зал, и смех его был тоже веселый, победоносный. Точно Шекспир влил нам в жилы целевые

пуды здоровья и сил. Спектакль «Двенадцатая ночь» во МХАТе 2-м был удивительным представлением — с декорациями В. А. Фаворского, с такими исполнителями, как М. А. Чехов, В. В. Готовцев, С. В. Образцов, М. А. Дурасова и др. Многие зрители говорили, что ходят «лечиться» на этот спектакль, и смотрели его по многу раз. Нам, видимо, удалось проникнуться духом комедии и передать ту бурю жизни, радости и здоровья, победы над ханжеством, которым наполнено шекспировское произведение. Нечего и говорить о том, что мы долго и внимательно читали и изучали и Шекспира, и его эпоху. Все эти знания и сказались, конечно, на атмосфере, поведении действующих лиц.

На всю мою актерскую жизнь большое влияние имела роль Марьи Александровны Ульяновой в пьесе «Семья» И. Попова. Меня покорила историческая правда и сама личность этой удивительной женщины. Из ее жизни в пьесе взяты эпизоды самых тяжелых для нее лет — смерть мужа, казнь сына. Ее мужество, выдержка, внимание к людям, понимание внутреннего мира своих детей, ее талантливость, ее культура делают ее женщиной исключительной. Соприкосновение с таким образом значительно и живоительно для актрисы, для ее души.

Спектакль «Семья» шел с большим успехом. Молодежь с удовольствием его посещала. Я получала много писем от зрителей, но одно запало мне в самое сердце. Писала девочка. Она, посмотрев спектакль, поняла, что виновата перед своей матерью. Маленькая зрительница утверждала, что впрямь не допустила больше ни пренебрежения, ни равнодушия, ни грубости по отношению к своей матери. Ей очень понравилась взаимоотношения замечательной семьи Ульяновых, и она поняла, что много потеряла в жизни.

Это, так сказать, «прямое» действие на зрителя. Если можно так выразиться, «утилитарное». Обычно искусство действует сложнее. Нельзя думать, что, играя героиню, сама превращаешься в нее и в жизни, так же, как и зритель после спектакля не превращается мгновенно из плохого в хорошего. Но бывают и исключения в этом отношении, хоть это и не функция искусства. И в данном случае девочка обобщила свое впечатление, заглянула в свой собственный внутренний мир и перенесла на себя художественно-моральное впечатление.

В наш век, когда мы говорим и пишем о гармоническом развитии личности, уость интересов, равнодушие к тому, что может натпуть, расширить взгляд, насытить воображение, дать знание, наконец, доставить восхищение, — вещь непростительная.

Искусство создано не для того, чтобы, занимаясь им, можно было убить время или только развлечься, — в нем заложена огромная познавательная и воспитательная сила. Доставляя радость, оно обогащает человеческую душу, воспитывает вкус и заряжает силой для любой деятельности.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

3 APR 1965